

УДК 417.32:494.3.

Г.Н. Абдуллаева

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА В ТЮРКСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Апеллируя к методологии дискурсивной репрезентации тюркоязычного материала в «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашигарского, автор пытается обозначить ориентиры изучения этнокультурного дискурса в контексте современной тюркологии. При этом этнокультурный дискурс интерпретируется как результат использования языка, с одной стороны, и феномен взаимодействия социальных групп и индивидов – с другой.

184

Вестник Иссык-Кульского университета, №7 - 2002

Проблема дискурса для тюркской, да и не только тюркской, лингвистики является малоизученной проблемой. Исследователи различных лингвистических традиций осознают важность исследования различных лингвистических традиций осознают важность исследования данной проблемы и грандиозность открывающихся при этом перспектив [5, с. 27-28].

Наше внимание будет сконцентрировано на одной из дискурсивных данностей, а именно, на проблемах этнокультурного дискурса. При этом мы будем оперировать единицами дискурса на материале в основном уйгурского языка. Актуальность лингвистики дискурса очевидна уже потому, что по аналогии с другими науками формально-таксономические подходы в лингвистике, столь характерные для западноевропейских лингвистических традиций и апеллирующие к так называемой «вертикальной» методологии, все больше и больше уступают место содержательно-интегративным стратегиям, базирующимся на «горизонтальной» методологии [ср. 1, с.118-119]. Это, очевидно, является глобальной тенденцией развития общечеловеческой науки в нынешнем столетии.

К чести тюркского языкознания многие характеризующие признаки лингвистики дискурса оказались выраженными еще в XI столетии. Мы имеем в виду знаменитую работу известного лингвиста с мировым именем Махмуда Кашгари «Дивану лугат ит-тюрк» (Словарь тюркских языков). На наш взгляд, в наименовании этого энциклопедического труда компонент Лугат-Словарь может ассоциироваться с современным термином «дискурс». И вот почему.

Говоря о «Словаре тюркских языков» как о лингвистическом сочинении, будет не совсем корректным представлять себе жанровые особенности традиционного словаря. Здесь очень уместен эпитет «энциклопедический». Но и он, на наш взгляд, не раскрывает до конца лингвистической сути вопроса, хотя, безусловно, необходимо признать, что в «Словаре тюркских языков» содержатся значительные всесторонние ориентиры, выводящие к внушительному объему информации по истории, этнографии, географии, медицине и т.д. (см., например: 3, с. 19-26; 2, с. 139-149; 4, с. 425-432). Специфический лингвистический интерес для нас представляет то обстоятельство, что в «Словаре тюркских языков» приводятся единицы дискурса – модельные блоки (слова и выражения), реальные высказывания, иллюстрируемые широкой фоновой информацией лингвострановедческого характера. Если же добавить к этому, что пресуппозиции иллюстративно-эмпирического материала подбирались таким образом, чтобы донести до иноязычного читателя различные грани тюркоязычной культуры, то становится ясным, что перед нами совершенный образец анализа этнокультурного дискурса, методы и приемы которого мы можем использовать в современных тюркологических исследованиях. Такой позитивный эффект достигается благодаря контаминации двух органичных составляющих: блочно-содержательной репрезентации базовых единиц тюркоязычного культурного дискурса (более 7500 единиц) и интегративного характера иллюстративно-сопроводительного материала. А теперь обратимся непосредственно к современному понятию дискурса.

Термин «дискурс» является одним из наиболее активно используемых терминов не только в современной лингвистике, но и в других науках, представляющих, в частности, дисциплины гуманитарно-обществоведческого цикла. Нередко его интерпретируют в качестве дублетного к терминам, номинирующим естественный язык об этом свидетельствуют такие словосочетания, как, например: «политический дискурс», «этнокультурный дискурс» и т.д.

Однако для нас в данном случае в лингвистическом смысле важна не столько лексическая семантика этого термина, сколько его отношение к фундаментальной

дихотомии теперь уже ставшей традиционной лингвистики «язык: речь». И здесь выявляется, что термин «дискурс» может относиться и к той, и к другой стороне отмеченного линвоконцептуального биннома. Другими словами, исследование дискурса заставляет изучать и систему языка, т.е. нечто консервативное, сущностное и не данное в непосредственном наблюдении, и речевую деятельность, т.е. употребление языка на практике [ср.5, с.27]. Такая качественная характеристика дискурса во многом определяет привязку к нему нашего научного интереса и детерминирует направление исследовательских поисков и отчасти структурирование концептуального поля предпринимаемого исследования.

Дискурс формируется общественными отношениями. Он же и влияет на них. С изменением в начале 90-х годов ушедшего столетия геополитической ситуации на пространстве бывшего СССР как естественная реакция возникают общественные процессы, которые типологически в укрупненном виде можно свести к трем разновидностям: миграция, интеграция, диаспоризация. Каждая из отмеченных разновидностей этносоциальных процессов имеет как внешнюю, так и внутреннюю стороны.

Поскольку наши научные интересы связаны с вопросами возникновения, функционирования и трансформации этнокультурных дискурсов, их интеракциям с социальными группами, т.е. преимущественно с процессами диаспоризации, то остановимся подробнее именно на этом. Как известно, подобные процессы коснулись на конкретной территории почти всех этносов, за исключением, пожалуй, так называемых титульных этносов. Другими словами, все этносы, которые волею судьбы оказались дистанцированными от основного этнического ареала во многих отношениях, и прежде всего лингвистически, стали ощущать необходимость сохранения своей принадлежности к данной этнической общности. В результате актуализируется социокультурная проблема идентичности этноса. А в силу этого чисто лингвистически этнокультурные дискурсивные вопросы как бы разделились на две составляющие: интровертную и эстравертную, т.е. направленную внутрь, в социокоммуникативные процессы жизни сообщества, и направленную вовне, иначе говоря, характерную для диаспоризации вообще, больших общедиаспоральных проблем. Поэтому ни в том, ни в другом случае нельзя обойтись без дефиниции понятия диаспоризации.

Диаспоризация на данном этапе нами понимается как процесс институционализации диаспор. Что же такое диаспора? На этот счет существует множество определений. Так, диаспорой признается социальная интеграция при институционализированном сохранении этнической идентичности. Иногда под диаспорой понимают любое расселение за пределами изначального этнического ареала. Однако это уже представляет собой перенос приоритетов в исторический ракурс рассмотрения темы, что не входит в задачи нашей работы. Подчас диаспорами называют этнические группы, интегрирующиеся в принимающий социум без потери этнокультурной идентичности. Диаспора – это также такой социальный институт, который готов предложить дополнительные и кооперативные стратегии становления общества. И там, где используются такие стратегии, там, как правило, возникают позитивные результаты, которые описываются в терминах этнокультурного дискурса.

Только за последнее десятилетие лингвистически актуализированной терминологией можно считать большой набор из специализированного корпуса однозначных лексем. В частности, это, например: этнокультурный центр, диаспора, этническая идентичность, этническое меньшинство, титульный этнос, среда, самоидентификация этноса, этнический менталитет, общественное сознание этноса,

этнофоры, этногенез и т.д. Задача этнокультурного исследования заключается в лингвистическом анализе, систематизации и прогнозе относительно их оптимального употребления.

Ограничивая сферу этнокультурного дискурса лингвистической базой тюркских языков, мы намечаем в данном случае следующие линии исследования этнокультурной лексики: металексика, образцы которой были приведены выше, и собственно этнокультурная лексика, т.е. вокабуляр, имеющий национально-культурный колорит (наименования предметов обихода, названия блюд, одежды, музыкальных инструментов и т.д.). в тюркологическом аспекте особый интерес вызывает переводная металексика. Здесь возникает много вопросов, связанных с лингвистическими закономерностями переводческого процесса и его последствиями. Наконец, на наш взгляд, нельзя не обойти вниманием такой фрагмент этнокультурного дискурса, как формулы речевого этикета.

Стандартизированные конструкции куртуазно-речевого этикета – это репрезентанты и своего рода визитная карточка социокоммуникативных интенций этнической культуры и в этом смысле продуктивный элемент этнокультурного дискурса. Будучи представленными в качестве застывших формул проявления такого рода интенций, они отражают и мыслительные модели, т.е. конкретные пропозиции. В этом плане они, аналогично фольклорным сентенциям – постулатам, а также пословицам и поговоркам, представляют собой сгустки народной мудрости, оформленные лингвистически по правилам синтаксических моделей языка и в соответствии с мыслительными моделями. Формулы речевого этикета считаются активным фактором формирования этнокультурного дискурса. Не случайно, что процесс овладения национальным языком, т.е. знакомство с важнейшим показателем идентичности этноса, легче начинать именно с изучения формул речевого этикета. Составление инвентаря формул речевого этикета, их моделирование – актуальная лингвистическая и этнологическая задача, которая требует привлечения значительного объема фоновой информации.

Вообще пресуппозиции научного описания этнокультурного дискурса мало оказываются в поле зрения исследователей. На наш взгляд, существующие научные описания не в достаточной степени адекватно отражают существо диаспоральных и междиаспоральных процессов. Это объясняется тем, что в данном случае, сомкнулись два очень емких и глубоких феномена: этнос и культура. При политизированном подходе трудно ожидать корректных результатов исследования их сути. Чтобы сегодня выполнить достаточно современное и адекватное научное описание указанных явлений и процессов, необходимо привлекать солидный багаж фоновой информации, раскладки которой предполагается проанализировать в исследованиях пресуппозиций этнокультурного дискурса.

Так, например, применительно к культурной деятельности диаспор цивилизованное и корректное осмысление функционального «портрета» этнокультурных центров с необходимостью предполагает оперирование понятием «парадигма деятельности этнокультурных центров». Без этого, очевидно, невозможно систематическое изучение сущности и самой природы деятельности указанных общественных структур.

Под парадигмой деятельности этнокультурных центров мы понимаем функциональный образец, стандартную систему потенциальных актов – действий и состояний, типичных для социальных образований интересующего нас типа. Для удобства на первоначальном этапе описания компоненты парадигмы можно увязывать в блоки актов и состояний и представлять в виде ориентиров основной деятельности,

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

поскольку компоненты парадигмы как таковые вытекают из основных функций этнокультурных процессов.

Обращаясь к парадигме деятельности этнокультурных центров, необходимо с уверенностью акцентировать поливалентный характер социокоммуникативных возможностей этнокультурных центров в виртуальном пространстве межэтнических контактов. Являясь субъектом социокоммуникативных процессов, этнокультурные центры, во-первых, входят во взаимодействие с целым рядом аналогичных структур, отражающих многочисленную этнолингвистическую эмпирическую базу самих этих общественных процессов. Во-вторых, объектом таких контактов может быть самый разнообразный круг вопросов, самый разнообразный перечень стереотипов поведения и реагирования на внешние ситуации. Поскольку понятие культуры охватывает почти необъемлемое, а культура каждого этноса по-своему уникальна и неповторима, то понятно, почему интенции этнокультурного сообщества характеризуются явной поливалентностью, безусловно отражаемой в этнокультурной дискурсе. Другими словами, этнокультурная риторика многочисленного корпуса фольклорных текстов, масс-медиа, исторической прозы и другой эмпирической базы представляет собой формирование структурированного национального самосознания и идентичности, их отражения и влияния на межличностные и межэтнические отношения в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко О. Этническая прогностика: возможно ли ее создание? //Центральная Азия и Кавказ, 1999, №3,4. –С 116-124.
2. Нарынбаев А.И. Из истории общественной мысли древних и средневековых уйгуров. –Бишкек, 1994.
3. Махмуд Кашгари Словарь тюркских языков. Т. I, Урумчи, 1981 (на уйг. яз).
4. Омар Шерипидин. Очерки по истории уйгурской классической литературы. –Урумчи, 1982 (на уйг. языке).
5. Ревзина О.Г. Язык и дискурс //Вестник Моск. Ун-та. Сер.9. Филология, 1999. №1. –С. 25-33.